

УДК 811

Борисова Ирина Николаевна

д-р филол. наук, профессор,
завкафедрой русского и иностранных языков,
руководитель Центра социокультурной адаптации мигрантов, НОУВПО Гуманитарный университет (г. Екатеринбург)
E-mail: myirena@list.ru

Borisova Irena Nikolaevna

Doctor of Philology, Professor, Head of Russian and Foreign Languages Department, Director of Migrants' Social and Cultural Adaptation Center, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

**РЕЧЕВОЙ ПОСТУПОК
КАК ЕДИНИЦА
КОММУНИКАТИВНОЙ ПРАКТИКИ***

**SPEECH ACTING AS A UNIT
OF COMMUNICATIVE PRACTICE**

Аннотация

В статье описывается речедейательностная структурно-динамическая модель речевого поступка (его компонентная структура и операционный состав). Речевой поступок интерпретируется как конвенциональный прагматический знак, план содержания которого конституируется коммуникативной тактикой и речевой интенцией, а план выражения речевым жанром и речевым шагом. Операции перекодирования в структуре речевого поступка рассматриваются как основа прагматической компетентности языковой личности.

Ключевые слова: коммуникативная прагматика; коммуникативная компетентность; речевой поступок; тактика; интенция; речевой жанр; речевой шаг.

Abstract

The article describes the structural and dynamic model of a speech action (its component structure and encoding operations) in terms of speech activity theory. The speech action is treated as a conventional pragmatic sign: its content plane is represented by communicative tactics and speech intentions, while expression plane is done by a speech genre and a speech step. The encoding operations are done as the basis of pragmatic competence of a language personality.

Key words: communicative practice; communicative competence; speech acting; communicative tactics; speech intention; speech genre; speech move.

Коммуникативно-прагматический подход к описанию речевой практики основывается на утверждении Н. И. Жинкина об акциональном характере речи: «Речь – это действие, которое совершает один партнер по отношению к другому для передачи мысли и смыслового воздействия» [1. С. 18]. В интерактивном плане речевое действие всегда встроено в социальную деятельность, обслуживает другие типы деятельности (трудовую, познавательную, игровую и пр.), реализуя социальную интеракцию. А. А. Леонтьев в связи с этим писал: «... речь – не замкнутый акт деятельности, а совокупность отдельных речевых действий, имеющих собственную промежуточную цель, подчиненную цели акта деятельности, в который они входят, и побуждаемый общим для этого акта деятельности мотивом» [2. С. 63].

Объектом исследования в коммуникативной прагматике является речевое поведение (коммуникативная практика) участников общения. В самом общем виде речевое поведение может быть определено как эмпирически наблюдаемое, воспринимаемое и интерпретируемое адресатом внешнее проявление коммуникативной деятельности говорящего. При этом воспринимается лишь план выражения

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ. Соглашение № 14-04-00398/14, проект «Прагматические и лингвокультурологические константы неформального русского общения».

речевых действий (их продукт – высказывание), что не исключает существования их довербальных фаз. Речевое поведение интерактивно, оно представляет собой линейную синтагматическую последовательность речевых поступков (РП). РП – основная единица коммуникативной практики, минимальная единица описания коммуникативного поведения. Он процессуален и в этом смысле отвечает требованию к анализу целого (речевого поведения) по единицам: «...под единицей мы подразумеваем такой продукт анализа, который, в отличие от элементов, обладает всеми основными свойствами, присущими целому и который является далее неразложимыми живыми частями этого единства» [3. С. 13]. Можно предположить, что РП как элементарная единица коммуникативно-прагматического анализа находится на том уровне абстракции речевых действий, который с наибольшей адекватностью отражает психолингвистические реалии речевого общения. Именно этот уровень коммуникативной практики языковой личности является ведущим, «осознаваемым» (по А. А. Леонтьеву) коммуникативными партнерами, выстраивающими интерактивное речевое поведение в диалоге.

Речевой поступок (РП) – диалогическое коммуникативное действие, реализованное в речевой форме (соотносимое с первичными, по М. М. Бахтину; элементарными, по М. Ю. Федосюку; одноактными, по Т. В. Шмелевой, речевыми жанрами). РП является единицей описания речевой практики (речевого поведения), а его продукт (речевой шаг, фрагмент реплики-высказывания) – минимальной конструктивной единицей реплики естественного диалога.

Постановка проблемы. В лингвистической прагматике существует несколько научных парадигм, в рамках которых исследуются элементарные речевые действия: теория речевых актов (Дж. Р. Серль, Дж. Остин и др.), теория речевых жанров (Н. Д. Арутюнова, М. М. Бахтин, В. В. Дементьев, К. Ф. Седов, М. Ю. Федосюк, Т. В. Шмелева и др.), теория коммуникативных стратегий и тактик (О. С. Иссерс, Е. М. Верещагин, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова, И. П. Сусов и др.). Общим для всех этих теорий является функционально-прагматический подход к описанию речевых действий. Основой выделения элементарного речевого действия является категория интенции (коммуникативного намерения). Следует отметить, что в коммуникативной прагматике феномен интенции описывается на различных уровнях абстрагирования от реалий текущего коммуникативного события, но всегда является критерием выделения речевых единиц на прагматическом основании. Так, в теории речевых актов интенция соотносится с иллокуцией – максимально обобщенной типовой целью речевого акта, рассматриваемого в отвлечении от коммуникативного контекста (структурные составляющие речевого акта – иллокуция, локуция и перлокутивный эффект). В теории речевых жанров (первичных, элементарных) на основании интенции выделяются типовые классы высказываний, характеризующиеся функционально, содержательно и структурно (совет, просьба и т. п.). При тактико-стратегическом подходе к описанию речевой интеракции в основе описания лежит тактическая интенция, описывающая речевое действие в аспекте его мотивации и целеполагания в контексте данного коммуникативного события (соотносительные единицы описания – речевые стратегия и тактика, речевой ход/шаг). Эти концепции относительно независимы, хотя описывают различные аспекты одного феномена – речевого действия. В связи с этим представляется актуальным для современной теоретической лингвистики, в которой сосуществуют различные, часто несовместимые, концепции языка, призыв А. Д. Кошелева строить синтетическую теорию языка «с учетом проблем и результатов отдельных разделов языкознания» [4. С. 19]. Различные системные подходы к моделированию речевых явлений взаимно дополняют друг друга и дают возможность разноаспектного и объемного взгляда на способы организации коммуникативных явлений различных уровней, природы и текстовой протяженности

(от единичного словоупотребления-речемы до целого функционального стиля). При этом нельзя не согласиться с мнением Т. В. Матвеевой, что «вопрос о выделении основных единиц речи в их отдельности и взаимозависимости остается открытым» [5. С. 44].

С точки зрения коммуникативной прагматики, попытки построить речевую системность на классификационных основаниях (типы речевых актов, типология речевых жанров, классы тактик) слишком лингвистичны, далеки от описания реального «коммуникативного устройства» языковой способности, а также прагматических оснований коммуникативной компетентности (реальных ориентиров, которыми руководствуется говорящий при речепроизводстве). Эти ориентиры в прагматиконе языковой личности (Ю. Н. Караулов) должны давать достаточно простые функциональные основания, которые могут использоваться говорящим в on-line режиме спонтанной речи.

Задача исследования – описание речевого поступка как минимальной единицы коммуникации (компонентный состав, динамическая структура, коммуникативно-знаковая природа) и коммуникативного знака.

Компонентный состав речевого поступка. В процессе формирования РП можно условно выделить два этапа (когнитивный – доречевое планирование и речевой – языковая реализация) и два аспекта (интерактивный – социальная интеракция и собственно коммуникативный – речевое взаимодействие).

Первая фаза доречевого этапа РП представляет собой ориентировку в текущей социальной интеракции и включает процессы обстановочной афферентации (ориентировки в коммуникативной ситуации): «Влияние всех экстралингвистических факторов на производство речи опосредуется человеком, производителем речи, поэтому это влияние значимо для речепроизводства в той степени, в какой оно учитывается коммуникантом осознанно (в процессе оперативного контроля) или неосознанно» [6. С. 75]. Когнитивным результатом ориентировки в условиях общения является опознание типа коммуникативного события, уяснение собственной коммуникативной роли в нем, формирование мотивационного состояния. Когнитивным продуктом на данном этапе является принятие решения о коммуникативных действиях, приводящих к достижению цели, – т. е. **выбор коммуникативной тактики** (КТ). Таким образом, КТ может быть определена как оперативное решение о целеполагании в данной социальной интеракции, связанное с «образом потребного будущего» (Н. А. Бернштейн), т. е. достигаемого перлокутивного эффекта, практического результата.

Эти положения подтверждаются результатами *case study* по планированию коммуникативной стратегии: этот эксперимент проводился нами в течение 6 лет на занятиях магистрантов филологического факультета УрФУ по психолингвистике. Цель – рефлексия (выведение в «светлую зону сознания») довербальных фаз коммуникативной деятельности. Магистрантам предлагаются общие ситуативные и мотивационные условия коммуникативной задачи: «*Представьте, что завтра вам предстоит важная встреча (свидание/презентация проекта/творческое выступление на публике или др.). Для нее вам необходима вещь (аксессуар одежды, книга, ноутбук или др.), которой нет у вас, но есть у вашего друга/подруги. Вам кажется, что ваш успех зависит от наличия у вас этого предмета. Ситуация осложняется тем, что накануне вы поссорились с другом/подругой. Задание: 1) конкретизируйте жизненные обстоятельства; 2) спланируйте и опишите ваши коммуникативные действия; 3) исполните возможный диалог с другом/подругой.*»

Наблюдения над способом выполнения студентами этого задания убеждают, что уровень тактико-стратегического планирования социальной интеракции предшествует собственно речевому планированию и протекает практически без

номинаций речевых интенций. Как правило, используются номинации коммуникативных тактик типа: «сначала нужно установить контакт», «надо встретиться, чтобы помириться», «нужно восстановить хорошие отношения», «нужно сначала добиться расположения и сочувствия», «даже если я не виновата, нужно признать свою вину», «надо доказать, что причина ссоры пустяковая», «нужно взять вину на себя», «нужно вызвать сочувствие», «надо показать, что я ее люблю», «нужно сделать так, чтобы она поняла, что наши отношения важны для нас обеих» и т. п.

Вторая фаза доречевого этапа – **выбор речевого жанра** (РЖ), соответствующего плану социальной интеракции. Только после принятия решения о стратегии социальной интеракции строится последовательность собственно речевых действий, которые номинируются по своей речевой интенции, или функции речевого жанра: «извиниться/попросить прощения», «сказать комплимент», «признаться, что она для меня единственное спасение», «сказать, что без нее мне не обойтись», и в результате «попросить помощи», «умолять», «уговорить» и т. д. Этот опыт демонстрирует, что первичными коммуникативными интенциями являются единицы социальной интеракции (назовем их коммуникативными тактиками – КТ), которые затем конкретизируются в речевой интенции (РИ) и оформляются в различных речевых жанрах (РЖ), которые затем реализуются в языковой форме как фрагменты высказываний.

В рефлексии стратегии речевого взаимодействия наблюдаем регулярное воспроизведение диады КТ – РЖ в структуре довербальной фазы речевого поступка.

Соотношение КТ и РЖ может основываться как на сходстве, тождестве их интенций (прямое соответствие), так и на мотивированной замене доминирующей интенции другой, опосредованно ведущей к ее реализации (косвенное соответствие). Особенно ярко различие между интенциями КТ и РЖ проявляется в случае не прямой коммуникации [7]. Рассмотрим в качестве показательного примера бытовой микродиалог матери (М.) и сына (С.):

М(1) – Ты сегодня выходишь собираешься?

С(1) – Да вроде нет... А что нужно?

М(2) – Хлеба и корма Шару.

С(2) – Ладно, через час.

Коммуникативная тактика М(1) – вызвать желаемое действие С. (покупку хлеба и корма собаке). Речевая интенция, в которой конкретизируется тактика (как и РЖ, в котором она оформляется), – не просьба (регулярное и наиболее частотное прямое соответствие данной тактике), а информативный вопрос о планах (намерениях) сына М(1): *Ты сегодня выходишь собираешься?* В ответной реплике сына С(1) наблюдаем сначала информативную КТ (РЖ ответ: *Да вроде нет...*) на РИ вопроса, обусловленную его сильным иллокутивным вынуждением, а затем речевой рефлекс (РЖ – встречный вопрос-предположение) коммуникативной тактики декодирования истинного коммуникативного смысла этого вопроса, т. е. КТ, косвенно оформленной в вопросе матери (С.: *А что нужно?*) Затем следует реплика М(2), окончательно поясняющая тактическую мотивацию М(1) и: [Купить] *хлеба и корма Шару* [собаке]. В С(2) КТ согласия совершить искомое действие прямо выражено в РЖ согласия 'положительный ответ как реакция на побуждение': *Ладно, через час.*

Третья фаза довербального этапа конструирования РП (протекающая практически одновременно с его фонационным графическим исполнением) – **языковое кодирование** РЖ в формах языка общения в конкретном высказывании – речевом шаге (РШ).

Тогда полная динамическая структура речевого поступка может быть описана формулой:

РП = КТ - РЖ – РШ.

Наши выводы согласуются с точкой зрения И. Ф. Тарасова, который отмечает, что в рамках психолингвистического подхода «последовательно различаются речевая коммуникация и интеракция (социальное взаимодействие) коммуникантов» [6. С. 68].

Операционный состав речевого поступка. Динамический аспект речевой систематики отражает речеповеденческие механизмы (психолингвистические реалии) процесса коммуникации, которые в общепринятых терминах коммуникативной прагматики могут быть описаны как кодовые переходы КТ – (РИ) – РЖ; РЖ – (РИ) – РШ. Отметим, что коммуникативное намерение, речевая интенция (РИ) в нашей модели методологически выделяется как общее основание перекодирования, объединяющее компоненты речевого поступка промежуточное звено, когнитивное функциональное (целевое) основание кодовых переходов от КТ к культурно обусловленным типизированными речевым (тематически, композиционно и стилистически определенным) формам выражения коммуникативной интенции – речевым жанрам и далее – к их языковой реализации в конкретном высказывании. Очевидно, такая объединяющая функция речевой интенции и обусловила использование этого признака (правда, в различной степени его конкретизации) как основания классификации и для речевых актов, и для речевых жанров, и для коммуникативных тактик.

Первая ступень перекодирования в доречевой фазе замысла (КТ – РИ) представлена **отношениями коммуникативной конкретизации** социальной интеракции (коммуникативной тактики – КТ) в речевой интенцией (РИ): происходит соотнесение мотивов и целей речевого поступка с типизированными речевыми интенциями, функционально определяющими тип речевого жанра. Так коммуникативная цель социального взаимодействия (КТ) конкретизируется в речевой интенции.

Вторая ступень перекодирования (РИ – РЖ) в доречевой фазе речеоформления связана с реализацией речевой интенции в формах конкретных речевых жанров, функционально (прямо или косвенно) соотнесенных с выбранной коммуникативной интенцией (просьба о помощи, совет, отрицание вины и пр.). РИ и РЖ связаны **отношениями социокультурной конвенционализации**, т. е. речевая интенция оформляется посредством стилистически, тематически и композиционно закрепленного в данной лингвокультуре речевого жанра. Когнитивным результатом этих операций является решение о выборе РЖ для прямого или косвенного выражения КТ. При этом происходит социокультурная конвенционализация КТ: приведение индивидуального решения о цели социальной интеракции к типичным для данного коммуникативного события социально-культурным формам речевого взаимодействия.

Третья ступень перекодирования (РЖ – РШ) в фазе исполнения речи связана с операциями кодирования в знаках определенного языка, т. е. **отношениями языковой репрезентации** (языковое оформление актуального членения, синтаксической структуры и выбора слов, заполняющих предусмотренные синтаксические позиции) в устной или письменной форме (произнесение/написание).

Таким образом, динамика кодовых переходов в структуре РП может быть описана как последовательность операций конкретизации коммуникативной тактики в речевой интенции, конвенционализации речевой интенции в форме речевого жанра, языковой реализации речевого жанра в границах речевого шага.

М. М. Бахтин в своей статье «К архитектонике поступка» характеризовал основное качество поступка как умение человека «участно мыслить», «т. е. не отделять своего поступка от его продукта, а соотносить их и стремиться определить в едином и единственном контексте жизни как неделимые в нем» (цит по: [8. С. 67]). Кажется, что предложенная структурно-динамическая организация РП соответст-

уует идеям М. М. Бахтина об «ответственном замысле поступка», «ответственном единстве поступка человека», в том числе, очевидно, и речевого. Ответственность говорящего в терминах нашей модели может быть интерпретирована как обязательство обеспечить в рамках речевого поступка адекватное речевое и языковое выражение его коммуникативного смысла, замысла, т. е. соответствие кодирования коммуникативной тактики речевому жанру и результирующему продукту в этическом, социокультурном и языковом аспектах.

Речевой поступок как коммуникативный знак. Предложенная выше концепция речевого поступка как прагмасемиотической единицы коммуникативного поведения позволяет рассмотреть его как коммуникативный знак. Перспективность этого подхода особенно ясно была осознана лингвистами-практиками применительно к обучению продуктивным видам речевой деятельности. В. А. Белошапкова и И. Г. Милославский в обобщающей статье «Вопросы идеографической грамматики русского языка» еще в 1988 г. справедливо утверждали: «Идеи конструктивной лингвистики, решающей вопросы создания (точнее, извлечения из океана языковых знаков) языковой единицы, обладающей набором точно заданных свойств, идут рука об руку с потребностями общественной практики. Причем в этом случае общественная практика включает в себя... и обучение русскому языку тех, для кого русский язык является родным... В самом деле, главная цель обучения родному языку состоит не в умении раскладывать факты языка по определенным «полочкам», но в умении абсолютно точно и соответственно ситуации выразить свою мысль» [9. С. 7]. В прагматике речевого поступка в качестве диалогического коммуникативного смысла речевого действия выступает речевая тактика, которая подлечит языковому выражению. Общим местом работ по коммуникативистике является постулат, что коммуникативные намерения адресанта должны быть опознаны адресатом (см., например, у В. В. Дементьева: «Представим общую цель, которую преследует человек, вступающий в коммуникацию как передачу коммуникативных смыслов и прочтение коммуникативных смыслов» [7. С. 35]). Однако коммуникативные смыслы присущи каждому выделенному структурному компоненту РП. Можно предположить, что коммуникативные смыслы разных компонентов РП прочитываются с различной степенью прозрачности. Так, КТ, мотивы речевых действий и сама личность адресанта *декодируются* адресатом интерпретативно, гипотетически, с некоторой степенью предположительности, вероятности; эти гипотезы могут быть верифицированы в процессе общения (как в нашем примере диалога матери и сына). РИ характеризует РЖ «на прагматическом основании», а также «в аспекте дифференциации основной функции» [10. С. 288]. Нельзя не согласиться с мнением М. П. Брандес: «Так как любое изложение содержания (даже болтовня) целесообразно, то речевой жанр трактуется как целесообразная форма, т.е. форма конкретного целевого содержания. Как информационная форма речевой жанр может рассматриваться как форма целесообразности, т. е. абстрактного, символического, целевого содержания, в которой абстрагированы общественные отношения» [11. С. 56]. Поэтому основная прагматическая функция РЖ не декодируется, а *опознается* адресатом в силу конвенционального и стереотипного характера соотношения РИ и РЖ. В нашем примере микродиалога в реплике С(1) первый речевой поступок (*Да вроде нет...*) является реакцией на РИ, а второй (*А что нужно?*) – интерпретирующей реакцией на КТ (коммуникативный смысл).

Исходя из сказанного, рассмотрим РП как *коммуникативный знак* речевого взаимодействия, предназначенный для понимания и интерпретации адресатом. Как любой знак, РП характеризуется планом выражения (ПВ) и планом содержания (ПС). К прагматическому плану содержания относится комплекс компонентов

РТ и РИ (прагматический компонент замысла [12. С. 112–116]), к речевому и языковому плану выражения прагматических компонентов – РЖ и РШ.

В прагматической структуре речевого поступка РЖ может быть интерпретирован как конвенциональная, социокультурно типизированная и постоянно воспроизводимая в речевой практике форма выражения речевой интенции, которая достаточно однозначно опознается реципиентом речи. Благодаря речжанровому компоненту речевой поступок социально-культурно конвенционален, предназначен для осмысленной речевой интеракции, так как РЖ – *средство* первичного речевого кодирования коммуникативного действия.

Прагматический план содержания РП, его иллокутивную составляющую (КТ – РИ) и план выражения речевого поступка (РЖ – РШ) связывают *отношения манифестации*. (Ср.: «Язык – универсальная знаковая система, служащая для передачи мыслительного содержания (информации) с помощью определенных материальных форм. Отношения манифестации, связывающие элементы плана содержания с элементами плана выражения, имеют в его структуре исключительно важное значение. Эти отношения в словах, представляющих собой знаки языка в наиболее полном, классическом виде, реализованы в связях внешней материальной стороны формы слова – лексемы, с его внутренней, идеальной стороной – семемой» [13. С. 10].)

Как любой знак, РП в прагматическом аспекте характеризуется *отношениями асимметрического дуализма* ПВ и ПС: «Знак и значение не покрывают друг друга полностью. Их границы не совпадают во всех точках: один и тот же знак имеет несколько функций, одно и то же значение выражается несколькими знаками» [14. URL: <http://project.phil.spbu.ru/lib/data/ru/karcevskiy/dualizm.html> (дата обращения: 14.09.2014)]. Прагматический компонент замысла за счет различных способов репрезентации РТ в РИ может манифестироваться различными РЖ (например, прямо или косвенно, с различной степенью императивности или категоричности и пр.). В рассмотренном микродиалоге матери и сына РТ каузация желаемого действия адресата могла бы быть гипотетически выражена и в формах РЖ просьбы, требования, приказа, мольбы, а также комплексных РЖ уговоров, выпрашивания («канюченья») и убеждения. С другой стороны, конкретный РШ (*Ты сегодня выходишь собираешься?*) является потенциально многозначной формой, способной в разных коммуникативных контекстах выражать различные речевые интенции и коммуникативные тактики: информативного вопроса о намерениях, упрека, выражения недовольства, замечания, аргументации просьбы и пр.

В составе коммуникативных событий значительной протяженности, получающих речевую манифестацию в формах комплексных монологических и диалогических РЖ, речевые поступки вступают в *синтагматические отношения*. При этом можно выделить последовательности РП в коммуникативных контекстах различного масштаба и архитектоники: 1) в горизонтальном контексте (в формальных рамках одной реплики диалога (композитивная реплика) или в рамках одного диалогического единства (акции и реакции); 2) в вертикальном контексте (в составе речевой партии одного коммуникативного партнера); 3) в социально-ролевом контексте типовой коммуникативной ситуации (например, призыва к открытости у Е. М. Верещагина и др. [15], уговоров, убеждения и утешения у М. Ю. Федосюка [16. С. 73–94]) или коммуникативного события (рынок, например, у М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой [17]).

Классификационный аспект речевой системности основывается на *парадигматических отношениях* и *вариантно-инвариантных отношениях* структурных компонентов РП, в которых коммуникативные тактики и речевые жанры объединяются в классы по близости коммуникативных функций различной степени абстракции, как, например, в работах А. В. Ланских [18] и Я. Т. Рытниковой [19],

В. С. Третьяковой [20] (речевые тактики гармоничного/дисгармоничного, кооперативного/конфликтного общения). Известна классификация РЖ Т. В. Шмелевой, в которой по общности коммуникативной цели выделяются информативные, оценочные, этикетные и императивные РЖ [21. С. 57–65], и М. Ю. Федосюка по типу коммуникативного воздействия РЖ (информативные, эмотивные и императивные РЖ) [16. С. 73–94]; классификации жанрового варьирования (субжанр и гипержанр) и внутрижанровых стратегий К. Ф. Седова [22].

Существует опыт описания речевой системности на комплексных основаниях. Например, систематика РЖ непрямого общения по признаку косвенности и коммуникативной функции (улучшения/сохранения/ухудшения отношений коммуникантов) [7], исследования речежанровой системности на уровне функционального стиля [23], а также систематика конфликтного общения на уровне коммуникативных сценариев [24. С. 33–69].

Коммуникативная компетентность языковой личности. Перекодирование прагматического компонента замысла в конвенциональные речежанровые формы его речевого выражения можно считать ведущим уровнем коммуникативной компетентности. К. Ф. Седов доказал, что дискурсивному мышлению языковой личности имманентно присущ жанровый характер [22. С. 42]. Справедлива точка зрения И. В. Пешкова: «...сознательно говорящий человек должен быть специально воспитан, обучен принципам и навыкам речевого поведения, причем связанного не столько с уровнем нормы... сколько с уровнем действия словом, действия сознательного, внутренне осмысленного» [8. С. 8]. Принципы, нормы, коммуникативные ориентиры для эффективной организации речевого поведения и являются одним из аспектов обучения в курсах культуры речи и риторики, в коммуникативных тренингах.

Соотнесенность компонентных, процессуальных и продуктивных характеристик речевого поступка позволяет выделить следующие уровни прагматической компетентности, которые дают операционные ориентиры для семиозиса РП, т. е. для адекватного воплощения замысла говорящего в продукте речевого действия:

1. *Афферентационный уровень* – ориентация в реалиях текущего коммуникативного события и уяснение его типа, структуры коммуникативной ситуации, других релевантных факторов общения (в частности, коммуникативных ролей, ролевых предписаний и ожиданий, возможных мотиваций коммуникативных партнеров). «Ролевые деятельности в случаях регулярности и нормированности предполагают заранее обусловленные акции и реакции ролевых партнеров» [6. С. 88]. Как отмечает Л. П. Крысин, дело «не просто в характере социальной роли, а в целевой установке при ее исполнении в той или иной коммуникативной ситуации» [25. С. 142]. Значимость мотивационного аспекта речевых поступков убедительно показана в анализе разговорных диалогов В. А. Салимовским [26. С. 347–364].

2. *Уровень ситуативного тактико-стратегического планирования*: выбор способа исполнения коммуникативной роли, прогнозирование возможных коммуникативных сценариев, коммуникативной стратегии, отвечающей деятельностной мотивации, и планирование синтагматической последовательности коммуникативных тактик, а также предвидение последствий своих речевых поступков.

3. *Уровень речежанрового кодирования* (речежанровой компетентности, по К. Ф. Седову): прагматические нормы, правила, способы перекодирования (репрезентации) КТ в КИ и выбора соответствующего РЖ (ориентация в парадигматических, синтагматических, вариантных отношениях, асимметричности компонентов плана выражения и плана содержания речевого поступка).

4. *Уровень языкового кодирования* прагматически релевантных компонентов речевого жанра и его языковое оформление. При этом заметим, что, кроме речежанровой формы (текстемы), коммуникативные тактики могут манифестировать

ся и с помощью *лингвем* и *речем* (например, тактики управления коммуникативной тональностью), а также *стилем* (в типологии Т. В. Матвеевой [5. С. 47]). К последним относится, например, переход на другой способ стилистического или субъязыкового кодирования «code-switching» в аспекте многоречия [27. С. 375–379; 28].

Можно надеяться, что выявленная структурно-динамическая модель РП (компонентная структура, операционный состав) при формировании прагматикона языковой личности методически поможет выявить ориентиры и культурно-речевые рекомендации для продуктивной и рецептивной речевой деятельности и акцентировать внимание на речевых технологиях конструирования речевых поступков в актуальной речевой практике.

Литература

1. Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. – М. : Наука, 1982.
2. Леонтьев А. Н. Основы психолингвистики. – М. : Смысл, 1997.
3. Выготский Л. С. Мышление и речь. – 5-е изд., испр. – М. : Лабиринт, 1999.
4. Кошелев А. Д. Современная теоретическая лингвистика как Вавилонская башня (О «мирном» сосуществовании множества несовместимых теорий языка) // Известия РАН. – Серия литературы и языка. – 2013. – № 6. – Т. 72.
5. Купина Н. А., Матвеева Т. В. Стилистика современного русского языка. – М. : Юрайт, 2013.
6. Тарасов Е. Ф. Место речевого общения в коммуникативном акте // Национально-культурная специфика речевого поведения. – М. : Наука, 1977.
7. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация и ее жанры. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2000.
8. Пешков И. В. М. М. Бахтин: от философии поступка к риторике поступка. – М. : Лабиринт, 1996.
9. Белашапкина В. А., Милославский И. Г. Вопросы идеографической грамматики русского языка // Идеографические аспекты русской грамматики / под ред. В. А. Белашапкиной и И. Г. Милославского. – М. : Изд-во МГУ, 1988.
10. Матвеева Т. В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. – М. : Флинта : Наука, 2003.
11. Брандес М. П. Стилистика текста : теоретический курс. – 3-е изд. – М. : Прогресс-Традиция : ИНФРА-М, 2004.
12. Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: Структура и динамика. – 3-е изд. – М. : Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2009.
13. Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка. – М. : Высшая школа, 1989.
14. Карцевский С. О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака. – URL: <http://project.phil.spbu.ru/lib/data/ru/karcevskiy/dualizm.html>
15. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы. – М. : Индрик, 2005.
16. Федосюк М. Ю. Комплексные жанры разговорной речи: «утешение», «убеждение» и «уговоры» // Русская разговорная речь как явление городской культуры. – Екатеринбург : АРГО, 1996.
17. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Языковое существование современного горожанина: на материале языка Москвы. – М. : Языки славянских культур, 2010.
18. Ланских А. В. Речевое поведение участников реалити-шоу: коммуникативные стратегии и тактики : дис. ... канд. филол. наук / Урал. ун-т. – Екатеринбург, 2008.
19. Рытникова Я. Т. Семейная беседа: обоснование и риторическая интерпретация жанра : дис. ... канд. филол. наук / Урал. ун-т. – Екатеринбург, 1996.
20. Третьякова В. С. Речевой конфликт и гармонизация общения. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002.
21. Шмелева Т. В. Речевой жанр: опыт общелингвистического осмысления // Collegium. – 1995. – № 1–2.

22. Седов К. Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1999.
23. Салимовский В. А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст). – Пермь : Изд-во Пермского ун-та, 2002.
24. Борисова И. Н. Структура и динамика дискурса в потенциально конфликтной ситуации // Речевая конфликтология. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008.
25. Крысин Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. – М. : Наука, 1989.
26. Салимовский В. А. Речевое воплощение личности (мотивационный аспект) // Я и Другой в пространстве текста. – Вып. 2. – Пермь ; Любляна, 2009.
27. Крысин Л. П. Кодовые переключения в речевом поведении говорящего // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. – М. : Языки славянской культуры, 2003.
28. Русский язык в многоречном социокультурном пространстве / отв. ред. Б. М. Гаспаров, Н. А. Купина. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014.